



ПАВЕЛ КРУСАНОВ

Писатель

Родился в 1961 году в Ленинграде. Окончил географо-биологический факультет Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. В первой половине 1980-х — активный участник музыкального андеграунда, член Ленинградского рок-клуба. Печатается с 1989 года: журналы «Родник», «Звезда», «Московский вестник», «Соло», «Комментарии», «Октябрь» и др. Лауреат премии журнала «Октябрь» за роман «Укус ангела» (1999). Финалист АБС-премии за роман «Укус ангела» (2001). Четырежды финалист премии «Национальный бестселлер» — за романы «Бом-бом» (2003), «Американская дырка» (2006), «Мёртвый язык» (2010), и за сборник рассказов «Царь головы» (2014). Финалист премии «Большая книга» за роман «Мёртвый язык» (2010).

«МАТРИЦА»: ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ, ПОСЛЕДНЕЕ

Свершилось. Придуманый Вадимом Левенталем книгоиздательский проект «Литературная матрица», реализация которого растянулась на добрых пять лет, в ноябре 2014 года пришёл наконец к своему финалу. И если в предыдущие годы рецензенты имели возможность в отношении этой затеи (первые два тома «Матрицы» вышли ещё в 2010-ом и получили дерзкий подзаголовок «Учебник, написанный писателями») подводить лишь промежуточные итоги, то сегодня ничто не мешает посягнуть на итог окончательный. Разумеется, в рамках, очерченных предметом.

Замысел (а по существу обоснование необходимости) этой затеи сводился к следующему — на сегодняшний день у юных соотечественников по ряду причин, природа которых (причин) сродни природе главенствующих мерзостей нашей жизни, образовался ощутимый дефицит доверия к русской литературе (в первую очередь — к русской классике, преподаваемой в школе в рамках учебной программы). Ситуацию следует менять, ибо подобное положение вещей никуда не годится — такого просто не должно быть. Равнодушие к власти — ещё куда ни шло, зачастую это даже нормально, но равнодушие к спасительному ковчегу русской культуры,

к тому стержню, вокруг которого строится само здание русского мира, равно растворению, самоаннигиляции в обезличенном универсуме, приглашающем нас к интернационализации культур и стиранию границ между родным и чужеродным. Возбудить интерес к области парения гордого духа русской литературы возможно лишь через неформальный подход к предмету. Не всем в школе повезло с учителем литературы — далеко не каждый наставник оказался на своём месте по призванию. Пытливая юность, конечно, найдёт пути и *возьмёт своё там, где увидит своё*, если не отвлекут по дороге липучие соблазны. Вот этим, ищущим пути, не грех и помочь. Для них и задумана «Литературная матрица», на страницах которой люди, знающие предмет и вызывающие у современного молодого человека пусть не безусловную, но хотя бы ограниченную степень доверия, без академизма и сухого назидания должны рассказать о собственном опыте прочтения того или иного русского классика и с убедительностью очевидца поведать, как строки его книг способны обжигать дно глазного яблока. Ведь главное — подвести к ручью, убедить припасть к истоку. Дальше, если ты, конечно, не деяга и посредственность, тебя за уши не оттащишь. А поскольку изначально были выведены за скобки литературоведы и вся филологическая наука в целом, то кто, собственно, ещё знает предмет литературы и может рассказать о нём без формализма, как не свой брат писатель? Современный писатель, действующий, сформировавший (кому насколько удалось) собственного читателя.

Так приблизительно прорисовывался замысел «Литературной матрицы» — учебника, написанного писателями. Хотя, возможно, дело обошлось без рассуждений, и идея явилась посредством наития — как счастливое озарение. Такое тоже бывает.

Кстати, несмотря на принципиальный отказ от привлечения к проекту в качестве авторов дипломированных специалистов по толкованию художественного слова, идею «Матрицы» горячо поддержали на филфаке СПбГУ, вплоть до предоставления деканом факультета научного редактора, а также материальной и информационной поддержки. Оценили замысел и в РГПУ им. А. И. Герцена, и в Российской национальной библиотеке, авторитет которых, безусловно, способствовал в конечном счете повышенному вниманию к изданию со стороны учебных и библиотечных структур. Всё-таки Петербург — удивительный город, здесь проявляют добрую волю и творческую инициативу не только носители артистического темперамента и прочая перекатная голь, но и люди при должностях. Кому расскажешь — не поверят.

Дело оставалось за авторами, и авторы нашлись. Хотя степень соответствия той или иной персоны заданному формату, допускаем, вполне

может быть оспорена. Это не удивительно: где же найти столько одномоментно живущих писателей, способных талантливо, ярко и — в идеале — равновелико осветить титанические фигуры, не побоимся этого слова, гениев, окормлявших русскую литературу на протяжении восьми столетий (от безымянного автора «Слова о полку Игореве» до ныне здравствующих Виктора Сосноры и Саши Соколова)? То-то и оно.

Однако по порядку. Корпус первых двух томов «Литературной матрицы» должны были составить статьи о писателях, включённых в курс обязательной школьной программы по изучению русской литературы в десятом и одиннадцатом классах. То есть список персоналий был чётко определен и не оставлял пространства для вариаций. Состав же авторов составлялся опытным путём проб и ошибок. Скажем, когда Михаилу Веллеру предложили выбрать кого-то из списка классиков для написания статьи, он тут же выступил со встречным проектом: а давайте я напишу вам весь учебник целиком. Это не входило в планы составителей «Матрицы». Тем более, что, как выяснилось, Веллер погорячился — все его строки, даже ещё не написанные, уже принадлежали совсем другому издателю. Буквы Людмилы Улицкой тоже не могли просыпаться на сторону без разрешения её сурового издателя. Борис Акунин признался, что слаб по части литературно-биографических исследований, и не хотел бы очертя голову бросаться в незнакомый жанр. Дмитрий Быков, в свою очередь, подобно Веллеру расстроился, что идея аналогичной книги пришла в голову не ему, поэтому, написав в «Матрицу» статью о Максиме Горьком, тут же сел за сочинение собственного обозрения русской словесности, вскоре увидевшего свет под названием «Советская литература. Расширенный курс». Эта книга отчасти дублировала третий том «Литературной матрицы», озаглавленный «Советская Атлантида». Однако сравнительный анализ этих двух трудов не входит в наши планы.

Остальные авторы, согласившиеся принять участие в затее, взялись за дело без позы, зависти и суеты. По крайней мере, не проявили эти качества за рамками собственного текста. А лучшие из лучших — не впустили и в текст.

Телевизионные бригады НТВ и ОРТ приехали в типографию снимать выход печатных листов «Матрицы» из офсетного станка. Все крупные новостные ленты сообщили читателям о необычайной новинке. Акцент ставили на слове «учебник». А как иначе? Новый учебник — стало быть, смена приоритетов, пересмотр основ, развенчание кумиров, война мышей и лягушек... Словом, хороший повод для небольшого скандала, столь лакомого для журналистской шатии, озабоченной не существом события, а возможным рейтингом при его освещении. Двухтомник и впрямь

оказался замеченным и востребованным — издатели дважды допечатывали тираж. Но внимание публики он заслужил не развенчанием и пересмотром, а всего лишь сменой привычного ракурса, свежестью живого чувства, личной авторской интонацией и умением рассказать то, что обычно уныло излагало учебное пособие, увлекательно.

Вслед за двумя первыми томами вышла уже упомянутая «Советская Атлантида». Школьная программа осталась позади — третья «Матрица» освещала советский период русской литературы, с одной стороны, манифестируя непрерывность процесса развития отечественной словесности, с другой — возвращая (пытаясь вернуть) в читательский обиход авторов, незаслуженно забытых, ушедших во тьму пучины вместе со страной, в которой они жили и писали. А между тем, для многих и многих советская эпоха оказалась вечностью — они успели родиться, прожить жизнь и умереть под красным флагом и рубиновой звездой, не представляя себе другой родины и не допуская самой возможности того, что идеал социальной справедливости когда-то будет посрамлён идеалом безудержной погони за наживой. Гайдар, Олеша, Фадеев, Леонов, Нагибин, Трифонов, Шукшин, Астафьев... Разве значение этих писателей не выходит за рамки их исторического времени? Вопрос не для затравки диспута, поскольку читателю с опытом ответ известен. Более того — всех их, не уместяющихся в рамках своего времени, не заключить в пятисотстраничный том. Он мал для них, он узок, тесен... Думается, многие найдут «Советскую Атлантиду» не полной. И составители, будьте уверены, не станут спорить. Хотя представленная выборка всё равно хороша и по большому счёту вполне репрезентативна. Как говорится, рюмка водки есть — тарелка щей найдётся.

И вот теперь последний том «Литературной матрицы», четвёртый — «Внеклассное чтение». Здесь собраны статьи о писателях, чьё значение для русского культурного мифа неоспоримо, но вместе с тем они не стоят в первом ряду блистательных литературных имен, не включены в обязательную школьную программу выпускных классов и (в случае если это наши с вами старшие современники) не попали по какой-либо причине в «Советскую Атлантиду». Действительно, Ивана Грозного, протопопа Аввакума и Петра Чаадаева не принято считать крупными художниками слова, Александра Грина, Николая Гумилёва и Гайто Газданова пустоголовая юность не штудирует на уроках литературы, а Василия Аксёнова, Сергея Довлатова и Сашу Соколова можно считать советскими писателями лишь отчасти. Всё это верно, но верно также то, что русская литература настолько богата и настолько щедра, что даже авторы её второго ряда могли бы с легкостью составить славу любой другой национальной литературы, не исключая и французскую. Однажды кухонное

радио поведало: от антарктического ледника откололся айсберг размером с Данию. Та же история и с русской литературой — скажем, литературой русской эмиграции.

И потом, это ведь такая условность — первый ряд, второй, четвёртый... Иной раз слово Гаршина прольётся на душу таким бальзамом или, напротив, разбередит такую рану, какую не залечил и не тронул, прости, Господи, великий душезнатец граф Толстой. И с такими обстоятельствами искушённый читатель сталкивается постоянно. Так и должно — если бы искусство (в узком смысле — литература) из раза в раз не превозмогало само себя, оно закончилось бы, съехало в канаву, как съезжает туда велосипедист, переставший крутить педали. Условие жизни искусства — непрерывное усилие по уловлению момента истины, неостановимый поиск наилучших средств для передачи подлинности. В противном случае: недолгая инерция и — сточная канава. Хотя и слишком разгоняться в попытке обогнать само время искусству не следует, иначе оно станет похоже на телевизор с его опустошающим мельканием. А между тем искусство начинается там, где отметаются ненужные подробности...

Стоп. Возвращаемся к нашей истории.

Итак, подобьем зримый итог проекта «Литературная матрица»: пять лет работы, четыре тома, две тысячи триста пятьдесят страниц, девяносто две статьи, шестьдесят семь авторов. Воистину гигантский труд. Нужные получились книги? Бесспорно. Из них юная поросль может узнать: кого из русских драматургов актёры императорских театров называли «наш боженька», смерть какого русского писателя Пушкин почтил словами: «Она была мгновенна и прекрасна», кто в конце 20-х годов, когда Ленинградская кондитерская фабрика имени Самойловой в честь популярнейшего детского журнала решила выпустить конфеты под названием «Ёж», написал для фантика стихи:

«Утром съев конфету „Ёж“,
В восемь вечера помрёшь!» —

а также уйму иных забавных, печальных, познавательных и поучительных подробностей из жизни русской литературы. Нашли эти книги читательский отклик? Ещё какой. Как выяснилось, адресатом «Матрицы» стали не только и не столько пытливые гимназисты, сколько их преподаватели, студенты высших гуманитарных заведений и библиотечные работники, активно высказавшиеся на её счёт как в прессе, так и в социальных сетях. Но есть у этой истории ещё одна сторона, о которой хотелось бы упомянуть отдельно.

Так получилось, что «Матрица» не только дала увлекательную картину прошлого русской литературы, самых её героических, весёлых и мучительно напряжённых этапов, но и послужила своего рода навигатором — путеводителем по карте литературы современной. Ведь авторы «Матрицы» — сегодняшние, признанные читающим сообществом писатели. Составители оказались свободны от групповых пристрастий и эстетических предпочтений, срез получился честный. Тут есть питерские и московские, новосибирские и нижегородские, зубры и новобранцы (в плане литературного рекрутинга), патриоты и общечеловеки, бенефицианты книжных прилавков и элитарные штукари. За бортом, по существу, остались только те, кто, как упоминалось выше, наглухо привязан договором к определённому издателю; кто был приглашён, но по каким-либо причинам отказался от участия (очень немногие); кто, как камбала, сливается с пейзажем; а также те, кто на данный момент ещё *не засветился*. Взялись бы за такое дело москвичи — тут же бы устроили междусобойчик типа: *авторы журнала «Сноб», или птенцы гнезда Елены Шубиной*. По уставу их монастыря градация свой-чужой всегда стоит на первом месте. Не то — у нас. Так что наш региональный патриотизм — не гидропоника, цветёт и пахнет он не *беспочвенно*.

Что же показывает этот невзначай обнаруженный навигатор? А вот что: современный русский писатель затейлив и многообразен, так что поначалу может зарябить в глазах. Но постепенно хаос обретает форму и складывается в картину. Хороша ли картина? Как минимум, динамична, живописна, насыщена вариациями перспектив и щедростью палитры. Впрочем, о гармонии тут говорить неуместно. И вот ещё...

Как утверждает один авторитетный исследователь природы художественного творчества, существует три степени авторствования: 1) акцентированное; 2) воспалённое и 3) маниакальное. Акцентированное — оно же нормальное, поскольку всякое авторствование акцентировано. Воспалённое — такое, которое не даёт автору покоя, если то, что он произвёл на свет, оказывается подвергнуто критике, обойдено вниманием, или разговор о самой фигуре автора находится не в центре завязавшейся беседы. Ну а маниакальное авторствование и вовсе требует ежеминутного фимиама и дымов жертвенников, и если автору, подверженному третьей степени этого высокого недуга, вдруг дают понять, что он вовсе не величайший гений современности, а просто крупный талант в ряду себе подобных, это уже чревато суицидом и запоем, и мир обрекается на вечное проклятие за чёрную неблагодарность. Весьма одарённая поэтесса однажды призналась: «Я не могу считать человека хорошим, если он критически отозвался о моём стихотворении. Я понимаю, что это

неправильно, но не в состоянии с собой ничего поделаться — это сильнее». Именно — сильнее.

Так вот, все перечисленные типы авторствования представлены в «Литературной матрице». Они присущи текстам, как запах владельца — перчатке или башмаку, поскольку — да, есть объект письма, но ведь есть, чёрт возьми, ещё и я, субъект, и это большой вопрос, кто из нас двоих важнее. Понятно, что ценность литературной записи во многом зависит от читателя — насколько он способен одухотворить холодные чернильные слова. Но степень того внимания, которое автор уделяет в тексте самому себе, в то время как должен был бы уделить его герою своего повествования, заметна даже в том случае, если ваша читательская оптика настроена не идеально.

Что ж, после того, как «Матрица» прочитана, мы предлагаем вам сыграть в игру и выдать каждому из авторов его диагноз. Нет, речь не о том, хорошо написана статья или не очень, и не о градусе одарённости пишущего — одарённость определяется иначе, — но кое-что о человеческой натуре участников «Литературной матрицы» эта игра нам обязательно поведает. В конце концов, в художественной действительности (как и в любой другой) маньяки, конечно же, в итоге победят, тут нет никаких сомнений — об этом нам однажды убедительно поведала Татьяна Москвина. Ведь если перед обывателем оказывается выбор *смерть мира или признание гения*, обыватель разумно выбирает мир. И тем не менее психологический портрет — не персонажа, но автора — для нас, читателей, играет роль. Причём — далеко не последнюю. И коль скоро это так — вперёд, играем в наши игры.